

ЭТНОГРАФ: УЧЕНЫЙ, ХУДОЖНИК, ПОЛИТИК?

22—23 декабря 1994 г. в Институте этнологии и антропологии Российской академии наук (г. Москва) прошла конференция ученых по теме «Этнограф: ученый, художник, политик?», в которой участвовали преимущественно молодые ученые из академических и других институтов и университетов (Институт востоковедения РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт антропологии МГУ, Институт национальных проблем образования, Всероссийский научно-исследовательский центр традиционной народной медицины «Эниом», Институт этнографии при Кельнском университете — Германия, Стэнфордский университет — США).

Поскольку тема конференции была сформулирована достаточно широко, то оргкомитет считал возможным создать четыре секции: 1) этнография в обществе и политике, 2) этнографический метод и культурные традиции, 3) этнограф в массовой культуре и искусстве, 4) этнография и образование.

Открывал конференцию в рамках первой секции конференции доклад Н. И. Новиковой (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва — далее ИЭА РАН) «Прикладная этнология: оценки возможностей», в котором был обрисован тот круг проблем применения этнографических знаний в обществе, который, по ее мнению, наиболее важен для обсуждения в среде молодых специалистов. Главная проблема — этическая позиция исследователя. Докладчица отметила стремление некоторых представителей гуманитарной интеллигенции Сибири дозировать открытую информацию. Данное явление связано с тем, что в настоящее время этнографы, особенно в республиках и регионах, являются одновременно и исследователями, и идеологами национальных движений. В силу этого они в большинстве случаев заинтересованы в пропаганде лишь определенной этнографической информации. Подобное явление, по мнению докладчицы, приводит к возникновению в республиках и ряде регионов бывшего СССР некоего вакуума вокруг этнографии вообще и этнографических аспектов современной политической и общественной жизни в частности.

Затем выступила Барбара Чох (Институт этнографии при Кельнском университете, Германия) с докладом «Этнограф в обществе: самосознание и самопрезентация», в котором особое место было отведено проблеме «самопрезентации» этнографа как ученого. По мнению докладчицы, исследователь обязан заниматься «саморекламой» как своих способностей, так и результатов своего труда. Окружающий мир должен знать, что умеет делать этнограф и какова общественная польза от его деятельности. Знания этнографа могут быть использованы в самых разных областях жизни: там, где возникают проблемы, связанные с культурой (в широком понимании слова), — в силу чего на Западе сфера приложения знаний этнографа значительно шире.

Далее был заслушан доклад Е. И. Филипповой (ИЭА РАН) «Взгляд этнолога на формирование российской миграционной политики», посвященный роли этнографа в исследовании проблем миграций на территории бывшего СССР. По мнению докладчицы, этнографы должны более активно участвовать как в создании законодательных актов по проблемам миграций, так и в конкретной деятельности совместно с российскими миграционными комитетами. Ряд положений доклада вызвал в значительной мере аргументированные возражения В. А. Тишкова (ИЭА РАН). Так, думается, правомерно его замечание о том, что подчас именно политики и те, кто вокруг них (в том числе и этнографы), создают почву для усиления миграционных проблем. Утверждение ряда законопроектов, связанных с миграциями, способно повлечь за собой развитие тех миграционных явлений, которые до этого момента были выражены значительно слабее.

Выступление А. Г. Осипова (ИЭА РАН) с докладом «Роль этнографов в формировании некоторых манипуляционных идеологем» содержало интересный анализ ситуации, сложившейся в данное время в этнографической науке. Докладчик рассмотрел конкретные примеры использования специфических приемов внушающего воздействия на индивидуальное и массовое сознание. Современные национальные движения для обоснования своих требований используют тезис о необходимости обеспечения выживания собственной этнической общности. В ряде случаев ее легитимизация способствует распространению в среде ученых-гуманитариев представления об этнических группах как о «социальных организациях» и «субъектах» общественных отношений.

Сообщение Г. Ю. Ситянского (ИЭА РАН) «Этнография и проблема реинтеграции бывшего СССР» было посвящено явлению реинтеграции бывших советских республик среднеазиатского региона и роли в этом процессе ученых-этнографов.

В докладе С. В. Соколовского (ИЭА РАН) «Этнография как жанр и как власть» говорилось о попытке использования жанрового подхода к языку науки. Докладчик описал четыре уровня исследования «этнографии власти» и этапы их использования в научных исследованиях. Какие события, явления, поведенческие акты могут быть объектами исследований «этнографии власти»? Какова роль традиции в процессе и методике подобных исследований? Играет ли здесь какую-либо роль специфика наблюдения? Наконец, чем обусловлены «слепые пятна» (очевидные и неочевидные пробелы) в этнографических наблюдениях? Докладчик сделал попытку ответить на эти вопросы с точки зрения исследования «этнографии власти» и рассмотрел различные виды и технологии власти — принуждение, убеждение, идеология, харизма, номанация.

В заключение работы первой секции был заслушан доклад И. С. Савиной (ИЭА РАН) «Этносоциологическое исследование в многоэтнической среде». Докладчик затронул проблему проникновения некоторых концепций и терминов, используемых в академической среде, в область общественно-

политической практики в республиках СНГ. Используя собственные наблюдения, сделанные во время проведения социологического обследования русского и казахского населения Южного Казахстана, докладчик акцентировал внимание на ответственности этнографа как носителя и распространителя фразеологии «этнической проблематики».

Вторую секцию открыло выступление Н. В. С с о р и н а - Ч а й к о в а (стажер Стэнфордского университета) «Социалистические преобразования и „живая старина“ в Сибири в 1920-х годах». Доклад был посвящен анализу деятельности экспедиции 1926 г. в один из районов Красноярского края с целью проведения приполярной переписи и создания родовых советов у эвенков. Докладчик проследил связь между взглядом на культуру как систему пережитков и социалистической реформой (создание советских институтов управления).

Доклад С. Н. А б а ш и н а (ИЭА РАН) «Опыт конструирования общины в советском Узбекистане» был посвящен соотношению формируемых властями Узбекистана в 60—90-х годах XX в. сельских и городских органов самоуправления («махалля»), с одной стороны, и традиционных «общин» досоветского периода — с другой. Современные установки административной элиты и гуманитарной интеллигенции Узбекистана во многом, по мнению докладчика, опираются на идеологию «возрождения» традиционных норм. Это явление сказалось и на создании современных «махалля», или «махалляйских комитетов». Проблеме «возрождения» ряда народных традиций, главным образом в области общественного быта, был посвящен доклад И. Л. Б а б и ч (ИЭА РАН) «О возрождении народных традиций (на примере адыгов)», где проанализированы особенности исторической эволюции народных общественных традиций адыгов. Докладчица отметила, что в ряде случаев, даже при большом стремлении национальных идеологов возродить ту или иную традицию, сделать это невозможно.

В. И. Х а р и т о н о в а (Центр традиционной народной медицины) в докладе «К вопросу об объективности оценки этнофольклористических фактов (на материале традиционной медицины и народного целительства)» на примере эволюционирующей традиции (магико-медицинская практика, народное целительство), остающейся до настоящего времени в значительной степени сакрализованной, указала пути к объективному восприятию и интерпретации исследователем, а также предельно адекватному воспроизведению и передаче фольклорно-этнографического материала. Докладчица проанализировала разные типы информаторов (передатчики, контаминаторы, импровизаторы, творцы).

В докладе О. И. Б р у с и н о й (ИЭА РАН) «О достоверности полевых материалов», написанном на экспедиционных материалах, была рассмотрена возможность изучения ряда проблем этнологии на базе полевых материалов. И в заключение работы данной секции состоялся доклад О. И. М у р а ш к о (Институт антропологии МГУ) «Этническая идентификация объектов антропологического и этнологического исследования: от распределения музейной коллекции до интерпретации материалов полевых исследований». Докладчица рассмотрела методики и результаты определения этнической принадлежности этнографических коллекций.

На третьей секции был заслушан доклад О. Д. Ф а и с (ИЭА РАН) «Мода и некоторые социальные аспекты массовой культуры потребления: этнограф как наблюдатель и преобразователь», в котором содержался нетрадиционный подход к явлениям, на первый взгляд, не этнографического порядка. В основу доклада был положен тезис о социальной стратификации общества и социально-обусловленных культурно-вкусовых предпочтениях (на примере сферы украшений). Далее с докладом «Европейский менталитет в изучении музыкальной культуры Востока» выступила В. Н. Ю н у с о в а (Институт национальных проблем образования) и М. К. Л ю б а р т (ИЭА РАН) с докладом «Эмиль Золя: художник и этнограф». В. Н. Юнусова обосновала необходимость преодоления стереотипов, сложившихся на базе западноевропейских представлений о музыке в изучении неевропейских культур. Докладчица предложила использовать более универсальные критерии в данных исследованиях — музыкальная культура, звук и т. д., а также исследовать музыку как тип звуковой коммуникации и репрезентант этноса. М. К. Л ю б а р т рассказала об этнографических наблюдениях Э. Золя, которые следует использовать при исследовании французского быта и жизни второй половины XIX в.

На четвертой секции были заслушаны два выступления: М. М. Г у с е й н о в а (стажер ИЭА РАН) «Роль этнографических знаний в социализации в Дагестане» и Д. А. Ф у н к а (ИЭА РАН) «Проблемы вузовской подготовки этнографических кадров». М. М. Гусейнов сделал доклад по прикладной тематике. Он рассказал о работе по написанию программы по этнографическому образованию в школе. В докладе Д. А. Ф у н к а был сделан акцент на оценке качества учебных пособий по этнографии, используемых в ряде сибирских вузов, в ряде случаев предлагающих студентам в качестве истины непроверенные факты, в качестве методики исследования — опыт организации краеведческих поездок школьников и т. д.

И. Л. Бабич